Рег
А-1169-358

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893. a. VIHIK 358 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ в 1893 г.

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

XXIV

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ТАРТУ 1975

СТАТЬИ

«МОСКОВСКИЕ ВЕДОМОСТИ» 1860-х ГОДОВ И ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ КРУГИ РОССИИ

П. С. Рейфман

Значительную и весьма мрачную роль в журналистике 1860-х гг. играл М. Н. Катков. Как раз в начале рассматриваемого периода, во время первого демократического подъема в России, он, по словам В. И. Ленина, повернул от умеренного либерализма «к национализму, шовинизму и бешеному черносотенству» [1]. К 1863 г. Каткову удалось сосредоточить в своих руках три периодических издания: ежемесячный «Русский вестник», еженедельную «Современную летопись» и ежедневные «Московские ведомости». Это была реакционная сила, но сила значительная. Большое влияние, которым пользовался Катков, не вызывает сомнения. Очевидно и то, что московский редактор вел свои журналы и газету по избранному им пути умелой и твердой рукой. Он добился того, что власти с ним считались, определял во многом правительственную политику, позволял себе то, что не разрешили бы любому другому журналисту.

В первые годы издания «Русского вестника» с именем Каткова связывались значительные надежды прогрессивных кругов. У него была хорошая репутация. Достаточно напомнить, что в 1852 г. в некрасовском «Современнике» (№ 7) опубликованы очерки А. А. Потехина «Забавы и удовольствия в городке», посвященные Каткову, что Чернышевский в статье «О сродстве языка славянского с санскритским...» («Современник», 1854, № 10) упоминал «превосходное сочинение» Каткова «Об элементах и формах славяно-русского языка» [2].

Человек, лично знавший Белинского, сотрудничавший вместе с ним в «Московском наблюдателе» и «Отечественных записках», хорошо образованный либеральный профессор должен был, казалось, создать интересный и далеко не реакционный

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 22, с. 43—44.

[2] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. Т. II. М., 1939—1953, с. 414. В дальнейшем: Чернышевский.

журнал. На первых порах эти надежды начали как будто осуществляться. Катков привлек к изданию «Русского вестника» многих видных литераторов отнюдь не консервативного направления. В списке сотрудников нового журнала значились имена М. Л. Михайлова, Н. П. Огарева, А. Н. Островского, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, И. А. Гончарова и др.

Особенное значение имела публикация на страницах «Русского вестника» «Губернских очерков» Щедрина. Они пользовались огромным успехом и в значительной степени укрепили авторитет издания Каткова. Не случайно, позднее, полемизируя с Катковым, его противники отмечали, что именно благодаря «Губернским очеркам» многим показалось, что редактор «Русского вестника» открыл не только Англию, но и Россию[3].

«Русский вестник» воспринимался читателями чуть ли не как основное издание обличительного направления, критикующее порядки дореформенной России. Такое восприятие было характерно не только для людей умеренно-либерального образа мыслей. Вспомним, что тенденции нового журнала весьма высоко оценивал в «Современнике» Чернышевский. В «Заметках о журналах» за декабрь 1855 г. и январь 1856 г. («Современник», 1856, № 2), давая обзор первых книжек «Русского вестника», Чернышевский желал ему всяческого успеха, добавляя, что, по всей вероятности, «успех его будет и оправдан и упрочен его благородным направлением и литературными достоинствами»[4].

Аналогичный отзыв помещен в «Заметках о журналах» за апрель 1856 г. («Современник», 1856, № 5): «От «Русского вестника» публика ожидала хороших ученых статей и не ошиблась в этом предположении»[5]. В «Заметках о журналах» за апрель 1857 г., останавливаясь на полемике «Русского вестника» со славянофилами, Чернышевский защищает безусловную правоту первого («Современник», 1857, № 6).

Но к 1863 году, к началу издания Катковым «Московских ведомостей», время либеральных тенденций «Русского вестника» осталось далеко позади. В 1860—1861 гг. все отчетливее намечается поворот Каткова вправо, к реакции. Лето 1862 г., период после майских пожаров, прокламаций, отделило особенно резкой гранью новое направление изданий Каткова, ранее только намечавшееся, от прежнего, либерального. В № 6 «Русского вестника» была помещена статья, направленная против Герцена. Той же теме посвящено выступление редакции в № 33 «Современной летописи». В № 7 «Русского вестника» напеча-

---

[3] См. статью «Взгляд на современное значение русской журналистики» — «Русский инвалид», 1861, № 269.

[4] Чернышевский, т. III, с. 633. О «Русском вестнике» 1850-х гг. см. М. А. Шмигельская. Отражение политической борьбы в русской либеральной журналистике конца 50-х — начала 60-х гг. XIX в. Саратов, 1974.

[5] Там же, с. 642.

тана статья «О нашем нигилизме», полная грубой брани в адрес революционеров.

С 1863 г. Катков стал редактировать «Московские ведомости», с первых дней превратив их в воинствующий орган нового реакционного направления, нашедшего отражение и в «Современной летописи»[6]. Специализируясь на травле восставших поляков, на ругани революционеров, восхваляя действия «царя-освободителя», Катков, естественно, имел основание рассчитывать на поддержку властей. Тем не менее отношения редактора «Московских ведомостей» с цензурой, с правительственными кругами были далеко не всегда идилличными.

Попытаемся рассмотреть эти отношения, не останавливаясь подробно на анализе всех материалов, напечатанных в «Московских ведомостях» и вызвавших недовольство цензуры, на причинах публикации таких материалов.

Выступления «Московских ведомостей» в 1863 г. по польскому вопросу, отражающие в целом стремления правительства, настроения значительной части общества, одурманенной шовинистическим угаром, завоевали газете особого рода авторитет уже в первый год после перехода ее в руки новой редакции. Имя Каткова становится чрезвычайно популярным. Ему посылают телеграммы с выражением верноподданнических чувств. В честь его провозглашаются тосты на «патриотических» обедах. В архиве Каткова сохранилось множество писем, прославляющих издателя «Московских ведомостей» чуть ли не как спасителя России[7].

Цензура также крайне благожелательно отзывалась о «Московских ведомостях» 1863 г., давая газете такие хвалебные характеристики, каких не удостаивалась даже официальная печать. По мнению цензуры, «Московские ведомости» «пробудили патриотическое чувство во всех слоях»[8], «возбудили к себе небывалое сочувствие в публике»[9].

Подобные восторженные оценки вовсе не значили, что в 1863 г. у редакции «Московских ведомостей» не было столкновений с цензурой. В отчете за 1863 г. Совета по делам книгопечатания министру внутренних дел, наряду с горячими похвалами Каткову, содержались и упреки за то, что его газета, «с недозволительною нередко запальчивостью», нападала на всю петербург-

---

[6] Последняя стала с 1863 г. приложением к «Московским ведомостям». Что же касается «Русского вестника», то он постепенно утратил свое значение, превратился скорее в сборник статей, чем в журнал.

[7] См., например, ГБЛ, ф. 120 (архив Каткова), папка 1, №№ 21, 29, 65, папка 42, лл. 2, 4, 5, 6 и др. Под некоторыми из писем до 600 подписей (например, письмо от ярославских дворян, папка 42, л. 2 об).

[8] ЦГИАЛ, ф. 774 (Совет министра по делам книгопечатанья), оп. 1, 1864, № 12, л. 43 об.

[9] Там же, л. 62.

скую журналистику, находя ее «не патриотическою, вредною и даже преступною» [10].

С чрезмерно «горячей» защитой «патриотизма» связаны и столкновения Каткова с московскими цензорами. К моменту перехода «Московских ведомостей» в руки Каткова председатель московского цензурного комитета М. П. Щербинин относился к нему весьма благосклонно. Давая обзор содержания «Русского вестника» за 1862 г., Щербинин писал, что тот «конечно может быть признан одним из самых лучших в России журналов», что полемика Каткова с эмигрантами (т. е. с Герценом) «есть не только заслуга, но и подвиг гражданского мужества» [11]. По поводу перехода с будущего года «Московских ведомостей» в руки Каткова и Леонтьева Щербинин высказывал самые радужные надежды.[12]

Да и не только Щербинин, но и лица гораздо более влиятельные относились к Каткову с самым дружеским участием, а иногда и заискивали перед ним. В 1863 г. великий князь Константин и Муравьев специально приглашают Каткова послать корреспондентов в Варшаву и Вильно для освещения польских дел. По дороге этих корреспондентов принял министр внутренних дел Валуев и напутствовал их [13]. По поручению Муравьева в «Московские ведомости» посылаются статьи о восстании, в которые Каткову предлагают по его усмотрению вносить любые изменения [14]. Позднее, когда результаты следствия по делу Каракозова вызвали недовольство Каткова Муравьевым, последний писал редактору «Московских ведомостей», что преисполнен «глубоким уважением к столь полезной Вашей деятельности» [15], просил Каткова помочь в борьбе с революционными силами: «высоко ценя оказанные Вами услуги отечеству, в тяжкую для него годину, я решаюсь обратиться к Вам <...> с просьбою не отказать своим всегда теплым и радушным содействием <...> для окончательного поборения той нравственной заразы, которая так сильна» [16]. В таком тоне лица, обладающие властью, с представителями журналистики, обычно, не говорили. Катков был один из немногих, если не единственный, завоевавший право на подобное обращение.

Весьма предупредительно ведет себя в отношении Каткова

---

[10] ЦГИАЛ, ф. 774 (Совет министра по делам книгопечатанья), оп. 1, 1864, № 12, л. 63.

[11] Там же, ф. 1282 (Канцелярия министра внутренних дел), оп. 2, 1862, № 1939, л. 144 об., 145 об.

[12] Там же, л. 147 об.

[13] ЦГИА г. Москвы, ф. 31 (Московский цензурный комитет), оп. 5, 1863, № 492, л. 3, 3 об. Об этом Катков пишет Валуеву. См. ИРЛИ, ф. 559 (П. А. Валуева), № 41, л. 20.

[14] ГБЛ, ф. 120, папка 6, № 24.

[15] Там же, папка 42, л. 72.

[16] Там же.

и Валуев. В 1863—1864 гг. между ними поддерживается оживленная переписка, инициатором которой был министр внутренних дел. Вскоре после начала польского восстания, 29 марта, он предлагал заключить с ним «договор, «pactum», на счет дальнейшего обмена мыслей и мнений». Валуев обязуется давать «**конфиденциально** ответ на каждый Вами мне предложенный вопрос». В свою очередь он хочет «иметь возможность обращаться к Вам, **конфиденциально** же, для осведомления о Вашем взгляде на те вопросы, по которым мне хотелось бы узнать Ваше мнение»[17].

Переписка состоялась. Валуев вел ее в подчеркнуто любезном тоне. В то же время министр внутренних дел пытается превратить Московские ведомости» в рупор своих идей, подсказывая Каткову темы, выражая готовность снабжать его материалом[18].

Иногда Валуев в своих конфиденциальных письмах пробует сдерживать Каткова. Он предостерегает его, например, от полемики по остзейскому вопросу, от чрезмерных похвал Муравьеву[19].

С крайним пиететом относится к Каткову Д. А. Толстой, с 1865 г. ставший обер-прокурором Синода и сделанный Катковым в 1866 г. министром народного просвещения. Уже осенью 1863 г., посылая Каткову свое сочинение о католической церкви в России, Толстой сопровождает книгу весьма почтительным письмом, радуясь возможности «выразить Вам то глубокое уважение, которым я, как и все русские, проникнут к Вашей деятельности и тем политическим принципам, коими Вы завоевали общественное мнение»[20].

Толстой пишет Каткову и позднее, благодарит издателя «Московских ведомостей» за понимание роли духовенства в образовании народа, просит от имени Синода совета по поводу проекта преобразования духовных училищ[21].

Став министром просвещения, Толстой продолжает обращаться к Каткову за поддержкой. Так, например, 3 ноября 1867 г. он спрашивает о мнении Каткова о новом уставе гимназий: «Знаем мы очень хорошо, что Вы завалены работою, но знаем также, что Вы не отказывались никогда и не отказы-

---

[17] ГБЛ, ф. 120, папка 1, И 58, письмо 1. См. В. Мустафин. Михаил Никифорович Катков и граф Петр Александрович Валуев в их переписке. — «Русская старина», 1915, № 8, с. 295. Далее: Мустафин (с указанием № «Русской старины» и страницы).

[18] Там же, письмо 2. Мустафин № 8, с. 296; письмо № 3, Мустафин, № 9, с. 404; письмо 5, Мустафин, № 9, с. 407; письмо 6, Мустафин, № 9, с. 408 и др.

[19] Там же, письма 22, 16, 9.

[20] Там же, папка 19, л. 71.

[21] Там же, л. 72.

ваетесь работать для общего дела, и в этой надежде не перестаем обеспокаивать Вас разными просьбами»[22].

О деятельности Каткова в 1863 г. весьма сочувственно, хотя, возможно, и не совсем искренно, отзывается и А. В. Головнин, бывший в то время министром просвещения. Катков был представлен К. С. Веселовским Головнину в 1862 г., когда шли переговоры о новых редакциях «С.-Петербургских ведомостей» и «Московских ведомостей». По словам Веселовского, Головнин Каткову уже в то время, видимо, не понравился.[23] В архиве Каткова сохранился ряд писем Головнина от 1862 г. В одном из них (от 1/XI) сообщается, в частности, что царь распорядился передать Каткову и Леонтьеву издание «Московских ведомостей», хотя другие претенденты предлагали бо́льшую сумму за аренду[24].

4 июня 1863 г. Головнин благодарил Каткова за то, что он послал корреспондентов в Варшаву и Вильно. Он выражал надежду, что «Московские ведомости» дождутся переиздания, служа «лучшим материалом для истории нашей эпохи»[25].

В конфиденциальном письме от 7 июня 1863 г. Головнин делал попытку подкупить Каткова, предлагая ему издать особой брошюрой большим тиражом статьи «Московских ведомостей» о Польше и беря на себя обязанность распространить эту брошюру[26]. Катков был достаточно умен, чтобы не клюнуть на такую приманку. Он отклонил предложение Головнина и позднее широко использовал упомянутый эпизод в полемике с министром народного просвещения.

Б. Н. Чичерин вспоминает, что к статьям «Московских ведомостей» о польском восстании с живым сочувствием относился наследник престола и С. Г. Строганов, попечитель наследника[27]. Камер-фрейлина А. Д. Блудова, дочь видного государственного деятеля Д. Н. Блудова, председателя Комитета министров, Государственного совета, писала Каткову 31 января 1863 г.: «Мы все, в том числе государыня, читали с величайшим удовольствием Ваши три первые статьи о польских делах»[28]. Блудова сообщала, что одну из этих статей прочитал и расхвалил министр иностранных дел А. М. Горчаков. В письме от 28 февраля 1863 г. Блудова заявляла, что одна из статей Каткова о

---

[22] ГБЛ, ф. 120, папка 19, л. 82.

[23] К. С. Веселовский. Воспоминания. — «Русская старина», 1901, № 12, с. 523.

[24] ГБЛ, ф. 120, папка 2, № 29. Письмо от 1/XI 1862.

[25] Там же. Письмо от 4/VI <1863>.

[26] Там же. Письмо от 7/VI 1863.

[27] Б. Н. Чичерин. Воспоминания. Московский университет. М., 1929, с. 82.

[28] ГБЛ, ф. 120, папка 20, л. 176.

Польше «прекрасна, полезна и своевременна», что все так считают, «начиная с высочайших особ»[29].

После подобных хвалебных оценок, которых можно было бы привести значительно больше, следует принимать всерьез, а не как комплимент, уверение Б. М. Маркевича, что публикация материала на страницах «Московских ведомостей» принимает в глазах «сильных мира сего совсем другое значение, чем какие хотите обличения какого-нибудь «Голоса»»[30].

Аналогичную оценку роли «Московских ведомостей» и деятельности Каткова дает Е. М. Феоктистов: «у него был целый сонм пламенных приверженцев, которые чуть не клялись его именем, и множество исступленных врагов, которым хотелось бы стереть его с лица земли. Правительство боялось его и вместе с тем заискивало в нем»[31]. При всей субъективности этой характеристики, идеализации Феоктистовым роли Каткова, влияние редактора «Московских ведомостей» отражено в ней верно.

Тем не менее уже в 1863 г. начались постоянные столкновения Каткова с цензурой. 22 февраля Щербинин извещал Валуева о том, что московская цензура отказалась пропустить статью, предназначенную для «Московских ведомостей», в которой цитировалось письмо французского публициста Жирардена Александру II. Он посылал и саму статью, выдержанную в антипольском духе, полемизирующую с Жирарденом, но все же приводящую его мнения[32]. Цензура считала, что русских читателей вообще не стоит знакомить с подобными материалами, отражающими недовольство европейского общественного мнения политикой царизма в Польше, хотя бы такие материалы приводились с целью их опровержения. Катков же отказался печатать статью без письма Жирардена и усмотрел в поступках цензуры противодействие.

Задержав статью, Щербинин чувствовал себя явно не спокойно. Уже в приведенном письме он высказывает опасение, что запрет «может быть употреблен как средство к обвинению московской цензуры»[33]. 24-го февраля Щербинин извещал Валуева, что все же разрешил публиковать статью, но не в «Московских ведомостях», а в январской книжке «Русского вестника»[34]. Опасения Щербинина были небезосновательны. Его «придирки» к Каткову вызвали недовольство ряда высокопоставленных лиц. А. Д. Блудова, извещая об этом редактора «Московских

---

[29] ГБЛ, ф. 120, папка 20, л. 177.
[30] Там же, папка 7, № 27, письмо от 11/XI 1863.
[31] Е. М. Феоктистов. Воспоминания. За кулисами политики и литературы. Л., 1929, с. 137.
[32] ЦГИАЛ, ф. 908 (П. А. Валуева), оп 1, № 676, л. 1 об.
[33] Там же.
[34] Там же, л. 6.

ведомостей», выражала надежду, что «шум, поднятый теперь при сем случае, будет тем полезен, что отрезвит Щербинина и Петрова и что они не будут запрещать у Вас статей впредь»[35]. Валуев же счел наилучшим выходом откреститься от ответственности. Он заявил Д. Н. Блудову, что сам одобряет статью, «а это в Москве виноваты»[36].

Естественно, что после подобных столкновений Щербинин старался быть особенно осторожным. Когда статья о «петербургской атмосфере» (1863, № 281), обвинявшая чиновников в воровстве документов, в разглашении секретных сведений, ставших известных Герцену и опубликованных в «Колоколе», вызвала недовольство Валуева, Щербинин берет ее под защиту, старается доказать, что в ней не имеются в виду правительственные сферы. Мимоходом он заявляет, что считает своим долгом покровительствовать тем изданиям, которые являются выражением «живых инстинктивных чувств русского народа»[37]. Совершенно очевидно, что прежде всего здесь подразумеваются «Московские ведомости».

Тем не менее, цензурные столкновения продолжались. В начале марта 1863 г. Валуев признает правильным запрещение московским цензурным комитетом заметки об аресте воспитанника одной из гимназий[38]. Недовольство Валуева вызывают и предложения Каткова о создании городской стражи на военный лад, критика им финансовых мероприятий правительства[39]. Местную администрацию и министерство внутренних дел раздражали ложные известия, печатавшиеся в «Московских ведомостях», о злоупотреблениях поляков, о преступлениях, якобы совершаемых ими (такие известия объективно свидетельствовали о нераспорядительности властей)[40].

Валуев сообщил о своих претензиях по всем упомянутым вопросам в московский цензурный комитет. Узнав об этом, Катков начал в довольно резком тоне упрекать министра за нарушение им соглашения, за то, что замечания переданы не ему лично, а официальным путем, через цензуру. Уже здесь Катков прибегает к угрозе, которой он постоянно пользовался и позднее: хорошо зная о прочности своего положения, о своей популярности, он грозится отказаться от редактирования «Московских ведомостей», если его «образ мыслей или действий кажется правительству **вредным**»[41].

---

[35] ГБЛ, ф. 120, папка 20, л. 177.
[36] Там же.
[37] ЦГИАЛ, ф. 908, оп. 1, № 676, л. 54, 55.
[38] ЦГИА г. Москвы, ф. 31, оп. 5, № 491, л. 9.
[39] ГБЛ, ф. 120, папка 1, № 58, письма 3, 4.
[40] ЦГИА г. Москвы, ф. 31, оп. 5, № 494, л. 35 об. ЦГИАЛ ф. 775 (Центральное управление по цензурному ведомству), оп. 1, 1863, № 125, л. 6.
[41] ИРЛИ, ф. 559, № 41, л. 16.

Возражает Катков и против замечания, полученного цензором за пропуск в «Московских ведомостях» ложных известий. Он соглашается, что такие известия могли быть ошибочными, но не видит в этом особой беды: цензура дескать должна следить, нет ли в статьях «неблагонамеренных искажений»; если же цель «благонамеренная», то «стоит ли придавать важность случайной неверности того или другого известия»[42]. Это была своего рода концепция, оправдывающая любую фальсификацию задачами укрепления «благонамеренности».

Редактор «Московских ведомостей» продолжал и далее непрерывно жаловаться Валуеву на придирки цензуры, угрожая своей отставкой[43]. Министр пытался урезонить капризного журналиста, почти оправдываясь перед ним: «Вы очень хорошо знаете, что Ваше независимое, но благородно-полезное направление одинаково признается и публикою и правительством; но доколе есть цензура, нельзя же с нею никогда не встречаться»; «не думаю я, что М. П. Щербинин не был искренно расположен давать Вашим изданиям наибольший, до последних пределов возможности, простор»[43а]. Валуев заверяет Каткова, что он всегда рад идти навстречу пожеланиям редактора «Московских ведомостей», что его упрекают в пристрастии к этой газете, в несправедливом послаблении ей[44]. Министр внутренних дел дружески уговаривает Каткова отбросить мысли об отставке: «Не хочу и думать, чтобы Вы прекратили Вашу общеполезную деятельность»[45].

Трудно, однако, сказать, насколько искренними были такие уговоры. Катков к этому времени в достаточной степени надоел Валуеву, но с ним приходилось считаться, ему необходимо было льстить.

Не легкой оказывалась в подобной ситуации задача и цензора А. Г. Петрова, надзору которого были поручены «Московские ведомости». Катков не желал сдерживаться. Он считал, что издание такого направления, как его газета, завоевало право касаться любой темы, критиковать любое лицо и учреждение, если оно найдет это нужным для блага родины и престола. Каткова поддерживали весьма влиятельные круги. Связываться с ним было небезопасно. Но опасно было и пропускать многие материалы, предназначенные для «Московских ведомостей», навлекать на себя недовольство министров внутренних дел, просвещения, финансов, видных провинциальных администраторов и т. п. В результате, по рассказам, Петров дрожал от страха, разрешая в 1863 г. статьи для катковской

---

[42] ИРЛИ, ф. 559, № 41, л. 26 об.
[43] Там же, л. 42, 42 об.
[43а] ГБЛ, ф. 120, папка 1, № 58, письмо № 4, от 4/VII 1863.
[44] Там же, письмо № 7, от 23/VIII 1863.
[45] Там же, письмо № 17, от 6/II 1864.

газеты[46]. Сам Катков писал в конце ноября о переживаниях Петрова следующее: «Я более всего трепещу за цензора. Он уже и теперь чуть не слег в постель»[47].

В 1864 г. столкновения с цензурой продолжались. Многие статьи «Московских ведомостей» привлекли к себе неблагосклонное внимание цензурного ведомства.[48] Особенно обострились отношения Каткова с администрацией осенью 1864 г. в связи с его нападками на министерство народного просвещения. Одним из поводов обострения послужили сочинения Шедо-Ферроти о «польском вопросе», инспирированные и распространяемые Головниным. Агент русского правительства в Бельгии, автор пасквильных брошюр, направленных против Герцена, вызвавших гневную отповедь Писарева, барон Фиркс, печатавшийся под псевдонимом Шедо-Ферроти, взял на себя неблагодарную задачу оправдания перед европейским общественным мнением действий русского царизма в Польше. С этой целью Шедо-Ферроти издает за границей несколько сочинений.[49] Они были отнюдь не прогрессивными, но предназначались для европейского читателя, с которым не следовало беседовать в стиле Каткова; кроме того, они и по сути отражали взгляды тех правительственных кругов, которым действия Муравьева и Каткова относительно Польши казались слишком топорными, чреватыми опасными последствиями. Шедо-Ферроти защищал систему гибких мер, проводившуюся бывшим наместником Царства Польского князем Константином. Его доводы ориентированы на раскол польского освободительного движения, на отрыв от восставших колеблющихся слоев.

Катков выступил с резкой критикой Шедо-Ферроти, обвиняя его в разжигании мятежа, в потворстве восставшим[50]. Попутно редактор «Московских ведомостей» позволял себе довольно пасквильные выпады в адрес министра народного просвещения. Он недвусмысленно обвинял Головнина в поддержке Шедо-Ферроти, в распространении его сочинений, в пропаганде антиправительственных идей[51]. Цензура с неодобрением отмечает публикацию таких материалов, объясняя их появление личными целями, оскорбленным самолюбием Каткова[52]. Но запретить их она не решается.

---

[46] С. Неведенский. Катков и его время. СПб., 1888, с. 227.

[47] ИРЛИ, ф. 559, № 41, л. 42 об.

[48] См., например, ЦГИАЛ, ф. 774, оп. 1, 1864, № 2, л. 5, 11, № 2, л. 31—33, № 3, л. 39 об., 94, 103. 226 об., 253,257, 363 об., 402 об., 421, 423 об. и др.

[49] «Lettre d'un patriote polonais au gouvernement national de la Pologne» (1863), «Que fera-t-on de la Pologne?» «Etudes sur l'avenir de la Russie» (1864).

[50] См. передовые 195, 196, 216 номеров (1864), № 9 (1865) и др.

[51] Передовая № 196 (1864).

[52] ЦГИАЛ, ф. 774, оп. 1, 1864, № 3, л. 532 об.

Катков, в свою очередь, нажимает на нужные пружины. Спор о сочинениях Шедо-Ферроти превращается в несомненную победу редактора «Московских ведомостей» над Головниным. Мобилизуется общественное мнение. Московский университет демонстративно возвращает присланные ему министерством просвещения сочинения Шедо-Ферроти. Киевский университет с нарочитым недоумением запрашивает министерство, с какой целью направлены для его библиотеки эти сочинения. В министерство пересылается письмо попечителя тверской гимназии, где речь шла о вредном влиянии произведений Шедо-Ферроти[53].

11 сентября 1864 г. государственный секретарь В. П. Бутков, ссылаясь на повеление царя, просит министерство просвещения уведомить его, справедливы ли слухи о том, что брошюра Шедо-Ферроти «Что нам делать с Польшей?» рассылается в учебные заведения, с какой целью делается это, знает ли о такой рассылке Головнин[54]. Позднее Бутков запрашивал Головнина, правда ли, что Шедо-Ферроти осматривает учебные заведения России, получив для этого пособие от министерства народного просвещения. Раздраженный Головнин сделал приписку на отношении Буткова: «следовало сказать: до сведения <...> через Москов<ские> вед<омости> дошло»[55].

Попытки Головнина оправдаться не увенчались успехом. Большая статья в защиту Шедо-Ферроти не появилась в печати[56]. Сам Головнин позднее не рекомендует Шедо-Ферроти выступать с опровержением Каткова[57]. На всеподданнейшей записке министра народного просвещения царь наложил резолюцию: «Книгу эту не следовало рассылать, ибо хотя она во многом благонамеренна, но окончательные ее выводы вовсе не согласны с видами правительства»[58]. Сам Головнин в письмах к А. П. Николаи сообщал, что царь выразил ему недовольство историей с Шедо-Ферроти, шумом, поднятым ею[59]. Не поблагодарил Головнина и князь Константин, в защиту политики которого была направлена брошюра «Что нам делать с Польшей?» Он признавал добрые намерения своего приверженца, неприличие и подлость доносительных статей Каткова, но выражал сожаление, что Головнин сделал «пренеловкую штуку», от которой «пользы не вышло никакой, а большой вред»[60].

---

[53] ЦГИАЛ, ф. 733 (Министерство народного просвещения), оп. 193, 1864, № 135, л. 74, 81, 85.
[54] ГПБ, ф. 208 (А. В. Головнина), № 225, л. 1.
[55] Там же, л. 3.
[56] Там же, № 226, л. 8. См. также ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 193, 1864, № 135.
[57] ЦГИАЛ, ф. 851 (А. В. Головнина), оп. 1, № 11, л. 62.
[58] ГПБ, ф. 208, № 226, л. 2.
[59] ЦГИАЛ, ф. 851, оп. 1, № 11, л. 30.
[60] ГПБ, ф. 208, № 57, л. 22, 23.

Не слишком благоприятной для Головнина оказалась и полемика вокруг «Учебной книги географии» Даниеля, обвиненной «Московскими ведомостями» в антипатриотических тенденциях[61]. Статьей московской газеты заинтересовался Начальник III Отделения В. А. Долгоруков и приказал собрать сведения по этому делу. Головнину пришлось писать объяснение, посылать в III Отделение подробное обоснование полезности книги, рекомендованной как пособие Ученым комитетом министерства народного просвещения.[62]

Довольно большой шум вызвала и статья М. В. Юзефовича «Возможен ли мир с нами польской шляхты?», напечатанная в № 203 «Московских ведомостей» за 1864 г., наполненная пасквильными выпадами в адрес не только украинофилов, «польской интриги» в Юго-Западном крае, но и администрации Одесского учебного округа, якобы поддерживавшей «сепаратистов». Попечитель округа обратился к начальнику III Отделения, прося защиты от клеветы. К его жалобам присоединился новороссийский и бессарабский генерал-губернатор П. Е. Коцебу, который не мог примириться с характеристикой в «Московских ведомостях» Одессы как главного оплота польской пропаганды, центра связи с революционными пунктами Европы. Начальнику III Отделения показались убедительными доводы Арцимовича и Коцебу. Обращаясь к Валуеву, он писал, что статья «Московских ведомостей» «не должна была бы появляться в печати в настоящем ее виде», что следовало бы заставить Каткова поместить опровержение[63]. Валуев согласился с таким мнением[64]. Но на этот раз Головнин, имевший уже печальный опыт борьбы с Катковым, решил более разумным не возвращаться к вопросу о статье Юзефовича, мотивируя свое решение тем, что не следует привлекать внимания читателей к этой статье, что на нее уже дан ответ в «Голосе»[65].

Становилось все яснее, что справиться с Катковым не так-то просто. А. В. Никитенко записывал в своем дневнике, что Каткова спустили с цепи, а ныне не знают как унять[66]. На одном из докладов члена Совета министра внутренних дел по делам книгопечатания В. М. Ведрова о статье «Московских ведомостей »,в которой шла речь о «сепаратизме», о невозможности «государства в государстве», карандашом приписано: «Госу-

---

[61] «Московские ведомости», 1864, № 241.
[62] ЦГАОР, ф. 109 (III Отделения), I эксп., оп. 8, 1864, № 217.
[63] ЦГИАЛ, ф. 775, оп. 1, 1864, № 179, л. 27 об. См. также ф. 733. оп. 193, 1864, № 170, ф. 774, оп. 1, 1864, № 3, л. 550 об.
[64] ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., оп. 8, 1864, № 214.
[65] Там же. Ответ см. в «Голосе», 1864, № 273.
[66] А. В. Никитенко. Дневник. Т. II. 1955, с. 395.

дарство в государстве есть газета Моск<овские> вед<омости>, не признающая над собой никакой власти»[67].

На рубеже 1864—1865 гг. столкновения между «Московскими ведомостями» и администрацией приобрели форму скандала. В № 267 «Московских ведомостей» (1864) была напечатана передовая с резкой критикой цензурной политики, с упоминаниями о штрафах, наложенных на редакцию. Статья появилась без одобрения цензуры. Валуев обращает на эту статью внимание Щербинина, выражая надежду, что она не останется без последствий, прося уведомить о принятых мерах. Щербинин пригрозил типографии, что она, печатая не подписанный цензором материал, подвергнется не только штрафам, но и суду. В ответ Катков заявил, что он прекращает издание газеты, подготовил об этом редакционную статью и послал телеграмму Валуеву. 31 декабря Щербинин по телеграфу докладывал Валуеву, что ему удалось предотвратить появление в печати статьи об отставке Каткова. В тот же день Валуев довел телеграмму Щербинина до сведения царя, реагировавшего на доклад несколько двусмысленной резолюцией: «весьма рад»[68]. Не совсем ясно, что одобрял царь: меры ли, предпринятые против Каткова, или то, что удалось предотвратить его отказ от редактирования. Видимо, Александр II давал понять Валуеву, что устранение Каткова было бы нежелательным.

Впрочем, издатель «Московских ведомостей» не столько собирался всерьез покинуть журнальное поприще, сколько шантажировал власти такой возможностью. В начале января 1865 г., угрожая Совету московского университета прекращением издания «Московских ведомостей», Катков заставил ходатайствовать об освобождении его газеты от предварительной цензуры. Совет просил передать «Московские ведомости» под ответственность университета. По всеподданнейшему докладу Головнина царь велел рассмотреть дело в Комитете министров. Оно слушалось там 12 и 19 января 1865 г.[69]

Противники Каткова хорошо подготовились к борьбе. Еще осенью 1864 г. Валуев поручил члену Совета министра внутренних дел по делам книгопечатанья О. А. Пржецлавскому собрать материал о «Московских ведомостях» за все время издания газеты Катковым. Конечно, отношение Валуева к Каткову для Пржецлавского не было тайной. Возможно, не случайно и то, что министр поручил подбор материала о «Московских ведомостях» именно Пржецлавскому, поляку по национальности. Тот представил совершенно разгромный обзор. Он указывал

---

[67] ЦГИАЛ, ф. 774, оп. 1, 1864, № 3, л. 728.

[68] ИРЛИ, ф. 559 (П. А. Валуева), № 21, л. 22. См. также ЦГИАЛ, ф. 1282, оп. 2, 1864, № 1950, л. 1, 4 об., 6, 7, 8.

[69] См. ЦГИАЛ, ф. 1263 (Комитет министров), оп. 1, № 3140; П. А. Валуев т. II, с. 443.

на благотворную роль газеты в год польского восстания, на заслуженную популярность ее. Но далее, по словам Пржецлавского, редакция начала искать популярности искусственной и в погоне за ней далеко выходит за пределы, дозволенные для русской журналистики, «свободно и даже необыкновенно развязно трактует предметы высшей дипломации, оценяет и комментирует по-своему акты нашего правительства, позволяя себе даже давать советы и собственные указания», «прямо осуждает деятельность высших должностных лиц». Автор записки приходил к выводу, что «Московские ведомости» подают дурной пример другим периодическим изданиям, что их характер и направление — «явление ненормальное, не согласное с существующими коренными основами государственного устройства»[70].

Записка была составлена в конце октября 1864 г. Видимо, она выражала и точку зрения Валуева. Но выводы ее не встретили поддержки даже в высших цензурных инстанциях. Подробное мнение о ней, изложенное на 10 листах, высказал член Совета А. Н. Тихомандрицкий, указывавший на заслуги Каткова в борьбе с «нигилизмом», на благотворную роль, которую газета играла во время польского восстания. В отзыве Тихомандрицкого признавалось, что «увлечения» могли иногда приводить к тому, что «Московские ведомости» выходили за пределы сдержанности и приличия, но подобные «увлечения» признавались вполне извинительными «для публициста — пламенного патриота — в борьбе со множеством врагов, восстающих тайно и явно против самых драгоценных и возвышенных русских интересов — государственных и народных»[71].

С аналогичными мнениями, хотя и более мягко высказанными, выступили и другие члены Совета (Н. В. Варадинов, И. А. Гончаров, А. В. Никитенко)[72]. В сущности, обвинений Пржецлавского никто не поддержал. И объяснялось это не только симпатиями к Каткову, но и ощущением его силы. Тем не менее записка Пржецлавского фигурировала в качестве документа, обвиняющего Каткова, во время разбора дела в Комитете министров, куда она была передана Валуевым[73].

Готовясь дать бой Каткову, министр внутренних дел приказывает подвести итог всем нарушениям цензурных постановлений «Московскими ведомостями» и всем мерам, которые приняла цензура по поводу таких нарушений[74]. Этот перечень должен был доказать, что цензура оказывала Каткову всяческое

---

[70] ЦГИАЛ, ф. 774, оп. 1, 1864, № 57, л. 1, 5, 8 об.
[71] Там же, л. 19.
[72] Там же, л. 20—29, 32—45.
[73] Там же, ф. 1263, оп. 1, № 3140, л. 235.
[74] Там же, ф. 1282, оп. 2, 1864, № 1950, л. 39—63, ф. 774, оп. 1, 1864, № 59, л. 20—34.

содействие, что ограничения касались лишь частных случаев, не имеющих отношения к общему направлению газеты.

5 января 1865 г. Валуев сообщает Щербинину о скором рассмотрении просьбы Совета московского университета. Он указывает, что эта просьба, в сущности, является жалобой на действия московского цензурного комитета, и предлагает Щербинину подготовить ответ, обосновывающий правомерность поступков цензуры[75].

12 января вопрос о «Московских ведомостях» слушался в Комитете министров. Письмо Головнина А. П. Николаи, отправленное в тот же день, под живым впечатлением от происходящего, позволяет довольно живо представить картину обсуждения. Катков оказался отнюдь не в роли безответного подсудимого. Его горячо поддерживали многие члены Комитета. Докладывал о деле Головнин, так как разбиралось прошение университета, т. е. учреждения ведомства народного образования. Вражда Головнина и Каткова была всем хорошо известна. Это связывало Головнину руки. Он сам писал Николаи о своем трудном положении, о том, что всякое его выступление против Каткова будет иметь вид личной мести. Поэтому Головнин ограничился докладом о просьбе Совета университета, никак ее не комментируя. Затем о заслугах Каткова в «преувеличенных выражениях» стали говорить главноуправляющий II отделением собственной е. и. в. канцелярии, председатель департамента законов Государственного совета М. А. Корф, военный министр Д. А. Милютин, министр иностранных дел А. М. Горчаков, министр государственных имуществ А. А. Зеленой. Горчаков сообщил мнение наместника Царства Польского Ф. Ф. Берга, что отставка Каткова будет воспринята как большая победа польской партии, что она вызовет затруднения в управлении Польшей. Милютин выразил удивление по поводу того, что цензура своими придирками сделала невыносимым положение «столь благонамеренного писателя»; «Валуев не выдержал и отвечал очень резко»[76]. Затем министр внутренних дел познакомил комитет с подробным донесением Щербинина и долго говорил о снисходительности, которая оказывалась «Московским ведомостям», о том, «как требовательность и грубость К<аткова> росла по мере увеличения его популярности <...> так что он не только не исполнял просьб Валуева, но даже не отвечал ему на собственноручные письма»[77].

Валуева поддержал министр финансов М. Х. Рейтерн, указавший на вред статей Каткова по финансовым вопросам, на нежелание редакции печатать опровержения, присылаемые из

---

[75] ЦГИАЛ, ф. 774, № 59, л. 19—19 об. Объяснения Щербинина посланы 10 января.

[76] Там же, ф. 851, оп. 1, № 11, л. 111.

[77] Там же, л. 112.

министерства. На стороне Валуева выступил, хотя и не очень решительно, начальник III Отделения В. А. Долгоруков, говоривший, что закон никому нарушать не позволено. Председатель Комитета министров П. П. Гагарин предложил компромиссное решение, на котором все сошлись: в просьбе университета отказали, отметив, что скоро будет введен в действие новый цензурный устав, пока же, до введения нового устава, министру внутренних дел было поручено оказывать Каткову всевозможные облегчения в издании «Московских ведомостей»[78].

19 января Комитет утвердил окончательно резолюцию по делу Каткова. Головнин, сообщая об этом Николаи, писал, что он оказался вынужден «протестовать против пышных выражений» насчет заслуг Каткова, «которые можно бы употребить разве говоря о Минине и Пожарском»[79]. Но и в итоговом тексте решения шла речь о том, что Комитет «не мог не принять во внимание благонамеренности и патриотического направления издателей «Московских ведомостей», а равно оказанных ими весьма важных заслуг как по учебному ведомству, так и вообще перед Россиею»; отмечалась большая роль газеты в борьбе с противоправительственной пропагандой, в поддержке «патриотического чувства русской народности»[80]. 22 января решение Комитета министров было утверждено царем. Фактически оно означало победу Каткова над своими противниками.

Издатель «Московских ведомостей» почувствовал себя еще более уверенно. В 1865 г. он публикует ряд резких выпадов против администрации и цензуры[81]. Но все же материалов такого рода в газете в 1865 г. напечатано не так уж много. Цензура, в свою очередь, относилась к «Московским ведомостям» довольно терпимо. Московский цензурный комитет, видимо, в достаточной степени напуганный, почти не упоминает о материалах для газеты Каткова либо делает это не по собственному почину. Комитет даже вступается за Каткова. Когда цензор С. П. Загибенин предложил комитету возбудить судебное преследование против «Московских ведомостей» за передовую № 235, полную намеков на министра народного просвещения, было решено не делать этого, а лишь сообщить о статье в Главное управление по делам печати, объяснив, что подобные статьи печатались в «Московских ведомостях» и прежде, не вызывая нареканий начальства. Московский цензурный комитет не хочет, чтобы его упрекнули в потере бдительности, но он не желает и вступать в борьбу с Катковым; он указывает на полезность общего направления газеты, на то, что министерство народного

---

[78] ЦГИАЛ, ф. 851, оп. 1, № 11, л. 112.
[79] Там же, л. 122.
[80] Там же, ф. 1282, оп. 2, 1864, № 1950, л. 65 об., 66.
[81] «Московские ведомости», 1865, №№ 12, 13, 44, 208, 235, передовые.

просвещения отчасти дало повод для подобных статей[82]. После громкого скандала наступило некоторое затишье. Возможно, оно вызвано отчасти тем, что с сентября 1865 г. вступало в действие новое положение о печати, согласно которому предварительная цензура была отменена: в ожидании близкой «свободы» Каткову вряд ли имело смысл идти на осложнения.

В первую половину 1866 г. положение меняется. Между редакцией «Московских ведомостей» и цензурным ведомством вновь закипает ожесточенная борьба. Катков, воспользовавшись уничтожением предварительной цензуры, усиливает нападки на администрацию. Осложнения оказались вызванными, в частности, откликами «Московских ведомостей» о положении в Прибалтике. Дело заключалось в следующем. Ратуя против всякого рода «сепаратизмов», Катков вел непрекращающуюся полемику с прибалтийскими изданиями, защищавшими привилегии остзейского дворянства. В данном случае он во многом был прав, хотя его обвинения определялись общей реакционной шовинистической позицией. Власти решили прекратить обсуждение «щекотливого» вопроса. Начальник Главного управления по делам печати в особом циркуляре потребовал не пропускать полемических статей о Прибалтике, указывая на односторонность высказываний и русских и прибалтийских газет. «Московские ведомости» перепечатали циркуляр в № 277 (1865), превратив рассуждения о нем в продолжение полемики, заявляя, что «сепаратистские» тенденции в Прибалтике находят «официальную поддержку» в определенных правительственных сферах.

Сообщая в передовой № 45 (1866) о письме рижского цензора, защищавшего прибалтийские газеты, и об ответе ему начальника Главного управления, редакция «Московских ведомостей» недоумевает, зачем названная переписка опубликована в «Северной почте», утверждает, что подобные материалы могут лишь приободрить партию антирусских патриотов в прибалтийском крае.

Еще более резкие обвинения выдвигаются в передовой № 50, в которой говорилось, что «сепаратизм» — «результат действий власти, результат ошибочной или лженаправленной политики». В статье содержатся весьма недвусмысленные намеки, что в такой политике виновны весьма высокопоставленные лица, в том числе министры. Печатая подобные намеки, «Московские ведомости» вступают в спор с Главным управлением по делам печати, с руководителями министерств народного просвещения и внутренних дел.

В газете Каткова усиливается критика действий администрации, касающихся и внутренних губерний России. Так, например, в № 47 шла речь о необходимости усилить роль дво-

---

[82] ЦГИА г. Москвы, ф. 31, оп. 5, № 509, л. 54—55.

рянских и земских собраний при рассмотрении их просьб администрацией. Значение последней, по мнению редакции, следовало бы ограничить. В передовой № 49 «Московских ведомостей» рассказывалось о деле рязанского исправника Д. Левашова, рассматривавшемся в Сенате. Левашов, во время исполнения своих обязанностей, совершил ряд преступлений. Он истязал людей, сек их, рвал бороды и т. п. В № 217 «Колокола» (1866) была помещена статья о Левашове «Несовершеннолетний злодей и совершеннолетние злодеи, судившие его». В ней с негодованием говорилось и о преступлениях Левашова и о мягкости приговора, вынесенного ему (полторы недели домашнего ареста). Дело Левашова для издателей «Колокола» — еще одно свидетельство дикого и безнаказанного произвола, порождаемого самодержавием.

Для Каткова преступление Левашова имеет совсем другой смысл. В «Московских ведомостях» приводятся те же факты, что и в «Колоколе», так же критикуется мягкость приговора. Но негодование редакции направлено не против системы общественных отношений, порождающих дела, подобные истории Левашова, а против старых судов, против чрезмерной роли администрации, которой противопоставляется земское самоуправление, возглавляемое дворянством. В статье содержатся намеки на то, что назначаемые, а не избираемые чиновники, не зависящие от общества, могут даже оказаться зависимыми от «подземного правительства», т. е. от революционеров. Ни о каком отрицании общих принципов здесь, конечно, речь не шла, но в статье допускались довольно резкие выпады в адрес администрации.

Аналогичные выпады встречались и в передовой № 50, автор которой уверял, что «в бюрократии, действительно, есть наклонность к демократическим тенденциям в дурном смысле». Он приветствовал действия администрации в западных губерниях и царстве Польском, направленные против польских помещиков, но призывал «противодействовать демократическим стремлениям бюрократии в губерниях внутренних». Автор обвинял администрацию в поддержке «нигилизма», иногда неосознанной, а иногда и сознательной.

В передовой № 61 шла речь о помощи, которую бюрократия, по мнению редакции «Московских ведомостей», оказывает «сепаратизму»: такая помощь была бы закономерна со стороны врагов России, но «в порядке ли вещей, что эти планы встречают сочувствие и поддержку в некоторых правительственных сферах?»

Передовая № 61 послужила поводом к первому предупреж-

дению, вынесенному «Московским ведомостям»[83]. Катков отказался печатать его, предпочел платить штраф за каждый день выпуска газеты без публикации предупреждения, вступил в полемику с цензурным ведомством и министерством внутренних дел[84]. В передовой № 69 он обосновывал право не помещать предостережений, ссылался на решение Комитета министров, на высокую оценку в этом решении деятельности редакции. Статья вновь напоминала о «пропольских» брошюрах Шедо-Ферроти, о том, что они встретили «сочувствие и поддержку в некоторых правительственных сферах». Катков вовсе не обескуражен цензурным взысканием, не думает прекращать нападки на неугодных ему высокопоставленных сановников. Он дословно повторяет формулы передовой № 61, добавляя при этом, что такие «сферы», отдельные лица и правительство, верховная власть — вещи совершенно разные.

Полемика о предостережении, о правомерности действий цензуры продолжалась в передовых №№ 81, 95. В последней, в частности, упоминались псевдо-прогрессисты, которые нередко занимают уютное казенное место. Автор передовой, Е. Феоктистов, позднее вспоминал: «Писавши это, я имел в виду многих и между прочим Салтыкова (Щедрина), который прямо из редакции «Современника» пересел на место председателя казенной палаты в Пензе»[85].

Подобные выступления сильно раздражали Валуева. В них содержалась неприкрытая критика действий подчиненных ему учреждений. Да и вообще неповиновение цензурным постановлениям, осуждение их не должно было проходить безнаказанно, служа «пагубным» примером для других изданий». Весной 1866 г. в докладах членов Совета Главного управления по делам печати, в протоколах заседаний Совета постоянно с неодобрением упоминаются «Московские ведомости». Так, например, 3 марта Совет слушал сообщение М. Н. Турунова о передовой № 45. Турунов усмотрел в ней прямое нарушение законов, выраженное «в форме неприличного отзыва о действиях Главного управления по делам печати», «стремление превратно истолковать официальный документ, напечатанный в «Северной почте»»[86]. В Совете возник спор, следует ли выносить за передовую

---

[83] «Северная почта», 1866, № 66. В предостережении указывалось, что в передовой № 61 «правительственным лицам приписуются стремления, свойственные врагам России». См. Валуев, т. II, с. 463.

[84] Катков всячески подчеркивал свою принципиальность, готовность нести материальные потери, но не поступиться убеждениями. На самом же деле издатели «Московских ведомостей» сделали все возможное, чтобы не уплатить штраф (см. ЦГИА г. Москвы, ф. 131, Московская судебная палата, оп. 8, 1866, № 7, л. 1—2).

[85] ГБЛ, ф. 120, папка 35, л. 30.

[86] ЦГИАЛ, ф. 776 (Главное управление по делам печати), оп. 2, 1866, № 2, л. 165.

№ 45 предостережение. Мнения разделились. В итоге было решено, что, хотя статья и заслуживает предостережения, можно его не давать, а ограничиться опровержением в «Северной почте».

Обсуждается в Совете и статья № 47, в которой цензура обнаружила антиадминистративные тенденции, но и в этом случае карательных мер не последовало[87]. Видимо, связываться с Катковым без крайней нужды Совет не хотел.

23 марта Главное управление по делам печати рассматривало сообщение о передовой № 61[88]. Мнения вновь разделились, но, в конечном итоге, как уже говорилось выше, за передовую № 61 редакции «Московских ведомостей» было вынесено первое предостережение. Нежелание Каткова его печатать, спор о правомерности действий цензуры еще более накалили атмосферу. Совет обсуждает возможность вынесения второго предостережения за передовую № 69, которая оценивается как противодействие власти, оскорбление министров внутренних дел и народного просвещения[89]. На этот раз давать предостережение сочли неудобным. Тем не менее цензура серьезно готовит переход «Московских ведомостей» в руки новой редакции в конце июня, когда истечет трехмесячный срок, в течение которого разрешалось не публиковать предостережения и ограничиваться уплатой штрафа. Делалось это по инициативе Валуева. Уже в конце апреля министр внутренних дел во всеподданнейшем докладе весьма неодобрительно характеризовал направление «Московских ведомостей», которые обнаруживают сочувствие политике правительства «только по делам Западного края. По другим предметам постоянно преобладает дух резкой критики»[89а].

2 мая в Совете Главного управления по делам печати рассматривалось специальное предложение министра внутренних дел, посвященное этому переходу, вызванное наличием «очевидного стремления «Московских ведомостей» быть судьею в собственном деле, не подчиняться закону о предостережениях»[90]. О том же шла речь на заседании Совета 12 мая[91].

6 и 7 мая газета Каткова получила второе и третье предостережения за передовые №№ 81 и 95 и была на два месяца приостановлена[92]. Планировалось, что она возобновится уже под новой редакцией. Казалось, Валуев мог торжествовать по-

---

[87] ЦГИАЛ, ф. 776 (Главное управление по делам печати), оп. 2, 1866, № 2, л. 170 об. — 171 об.

[88] Там же, л. 184—190 об.

[89] Там же, л. 197—201.

[89а] Там же, ф. 908, оп. 1, 1866, № 270, л. 3—3 об.

[90] Там же, л. 251.

[91] Там же, л. 294—296 об.

[92] Там же, л. 262—265 об.; ЦГИА г. Москвы, ф. 31, оп. 5, 1866, № 515, л. 40, 40 об.

беду. 10 мая московский генерал-губернатор шифрованной телеграммой сообщал в III Отделение: «Все исполнено точно. Третье предостережение вручено. Подписка взята. Отправлена по почте. Должные меры приняты. Пока все благополучно»[93]. О приостановке «Московских ведомостей» докладывалось так, как будто речь шла о серьезной военной операции.

Однако Катков не собирался складывать оружия. Московский университет просил о разрешении издавать «Московские ведомости» под временной редакцией, чтобы не потерпеть материального урона. Такое разрешение было дано, видимо, не без вмешательства свыше. Во всяком случае 13 мая Валуев докладывал о нем непосредственно царю[94]. 18 мая, после десятидневного перерыва, вышел № 99 «Московских ведомостей». Мотивов покаяния в нем отнюдь не ощущалось. Напротив, временный редактор, Н. А. Любимов, соратник и единомышленник Каткова, провозглашал свое желание следовать прежнему направлению. В заметке же «От издателей» вновь звучало неприкрытое осуждение и самого принципа предостережений, приостановок, и конкретного применения его к «Московским ведомостям». Повторялись здесь и обвинения в адрес цензуры, которая, дескать, запрещала благонамеренные статьи в газете Каткова, но разрешила роман Чернышевского «Что делать?» Издатели выражали радость по поводу того, что временное редактирование переходит в руки человека, близкого им по направлению. Разыгрывалась чувствительная сцена прощания с читателями, с которыми редакторам приходится расстаться из-за верности своим убеждениям.

Естественно, номер обратил на себя внимание цензуры. По словам цензора Ф. И. Рахманинова в заявлении Любимова выражается преданность тому направлению, «за которое, по объяснению самих Каткова и Леонтьева, они уже подверглись трем предостережениям и временной приостановке»[95]; заметка же «От издателей» содержит критику действий «высшего цензурного управления»; эти действия «выставляются покровительствующими самым вредным направлениям печати, а в то же время стесняющими вопреки указаниям правительства <...> те органы печати, которые посвящены благонамеренной борьбе с этими вредными направлениями»[96].

Московский цензурный комитет с осуждением отмечает

---

[93] ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., оп. 8, 1865, № 103, л. 7.

[94] ИРЛИ, ф. 559, № 21, л. 30. Знаменательно, что вопрос о временном возобновлении «Московских ведомостей» решался П. А. Валуевым, Д. А. Толстым и С. Г. Строгановым. Два последние были ярыми защитниками Каткова. Видимо, уже в это время создавались предпосылки для его близкого триумфа.

[95] ЦГИА г. Москвы, ф. 31, оп. 5, 1866, № 515, л. 44 об.

[96] Там же.

большое число статей и заметок, напечатанных в газете во время редактирования ее Любимовым [97]. Особенный шум вызвала статья «К вопросу о Западном крае», опубликованная в № 112. Комитет оценил ее как «резкое порицание, хотя и в интересах государственных, образа действий высшей администрации в Западном крае, оскорбительное для тамошних властей и подрывающее уважение к правительству», как возбуждение одного сословия против другого и одной национальности против другой» [98].

Казалось, все идет к тому, чтобы у Каткова и Леонтьева окончательно отобрали право редактирования и издания «Московских ведомостей». 18 июня московский цензурный комитет слушал предложение Главного управления по делам печати начать преследование редакции газеты за уклонение от публикации предостережений. Комитету было дано распоряжение передать материал прокурору московского окружного суда [99].

Доброжелатели предостерегают Каткова, призывают его к бо́льшей осторожности. С. Г. Строганов в письме от 22 апреля умоляет редактора «Московских ведомостей» прекратить опасную борьбу, намекая «на серьезные последствия крайнего Вашего упорства», указывая на резкость статей, направленных против цензуры: «Я умоляю Вас, ради прошедшего Вашего и моего, принесите в жертву общественному делу личный Ваш взгляд на выходку министра внутренних дел» [100]. Строганов сообщает о возможности прекращения «Московских ведомостей», о том, что «враги России только того и желают» [101]. Из письма видно, что аналогичное предостережение по совету Строганова послано Каткову в начале апреля Гезеном [102]. В другом письме, отправленном в тот же день (5 апреля), Гезен информировал Каткова о следующем: «Сегодня же вечером я узнал из **верного** источника, что Главное Упр<авление> Цензурою намерено при первом случае дать Вам второе, а затем и третее предостережение, чтобы закрыть Моск<овские> Вед<омости> еще до истечения трех месяцев» [102а]. Предостережения Гезена имели основание. Цензура следовала упоминаемому в письме плану, неуклонно проводила его в жизнь.

Но активность проявляли не только противники Каткова. В его защиту были мобилизованы весьма влиятельные силы.

---

[97] ЦГИА г. Москвы, ф. 31, оп. 5, 1866, № 515, л. 47, 50, 55—56 об., 59.

[98] Там же, л. 53—53 об. О статьях, вызвавших недовольство, см. также ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 2, 1866, № 2, л. 357 об. — 359, 360—361 об., 375 об. — 376 и др.

[99] ЦГИА г. Москвы, ф. 31, № 515, л. 61.

[100] ГБЛ, ф. 120, папка 42, л. 1—1 об. «Выходка министра» — видимо, первое предостережение редакции «Московских ведомостей».

[101] Там же.

[102] Там же, папка 20, л. 154 об.

[102а] Там же, л. 155.

Да и сам редактор «Московских ведомостей» не сидел сложа руки. Покушение Каракозова сильно укрепило его позицию. В свете этого события становилась особенно ясна ценность для правительства направления газеты Каткова. Статьи «Московских ведомостей» о покушении, о верноподданных заявлениях, которые якобы оно вызвало в народе и обществе, с удовольствием читают при дворе. 25 мая 1866 г. в Москву прибыл Александр II. Катков встречается с приближенными царя, ведет с ними продолжительные беседы. Знаменательно, что в этих беседах, по поручению царя, принял участие П. А. Шувалов, назначенный после покушения начальником III Отделения. Позднее, осенью 1866 г., мягко укоряя Каткова за настроения, враждебные администрации, Шувалов упоминал о прошлых встречах, о своей симпатии к редактору «Московских ведомостей»: «Я всегда с удовольствием вспоминаю проведенное в беседах с Вами время»[103].

Катков просит царя, чтобы тот видел в издателях «Московских ведомостей» «своих»[104]. В пространной записке Александру II от 14 июня он заверяет, что его газета всегда выражала интересы правительства, верховной власти, ходатайствует, чтобы ему разрешили возобновить журнальную деятельность[105].

Доводы Каткова произвели впечатление. 20 июня царь принял его. Александр II, по словам Каткова, сказал, что постоянно читает «Московские ведомости», внимательно следит за ними; «верю тебе — считаю своим», — добавил он[106]. 11 января 1867 г., по поводу новых осложнений с цензурой, Катков напоминал о своей встрече с царем, о том, что тот одобрил его деятельность «и выразил желание, чтоб мы продолжали ее в том же смысле как прежде и сохраняли уверенность, что в нем самом будем иметь поддержку, которая даст нам возможность действовать по совести»[107].

22 июня московский цензурный комитет получил извещение московского генерал-губернатора, основанное на телеграмме министра внутренних дел от 22 июня. В извещении говорилось о возвращении Каткову и Леонтьеву права редактировать «Московские ведомости», что мотивировалось изменением условий контракта издателей с московским университетом[108].

---

[103] ГБЛ, ф. 120, папка 19, л. 27.

[104] Н. А. Любимов. Михаил Никифорович Катков и его историческая заслуга. СПб., 1889, с. 342. В дальнейшем: Любимов.

[105] ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., оп. 8, 1865, № 103.

[106] Любимов, с. 343.

[107] ЦГИАЛ, ф. 908, оп. 1, № 282, л. 1.

[108] ЦГИА г. Москвы, ф. 31, оп. 5, 1866, № 515, л. 66—66 об. В контракт был внесен пункт, согласно которому Катков и Леонтьев при первом предостережении могли отказаться от издания газеты.

Но всем было ясно, что дело не в контракте. Катков и не скрывал этого. В передовой № 132 от 25 июня редакция с торжеством сообщала о своей победе, весьма недвусмысленно упоминая о встрече с царем. В славословиях Александру II скрывались и намеки на его покровительство, и противопоставление царя администрации, враждебной Каткову. Те же мотивы слышались в передовой № 134. Не случайно цензор обратил на нее внимание, а московский цензурный комитет решил сообщить о ней Главному управлению, усмотрев в статье желание заявить, что и в будущем редакция собирается действовать «вне подчинения административным распоряжениям» [109].

Такие заявления Каткова не были пустыми словами; опасения цензуры имели основания. После июня 1866 г. в «Московских ведомостях» количество нападок на администрацию существенно не уменьшилось (см., например, передовые №№ 154, 205 за 1866 г., передовые №№ 151, 167 за 1867 г.).[110]

По-прежнему чуть ли не каждый номер катковской газеты привлекал к себе внимание цензуры [111]. Но редакция могла с этим не считаться. Взысканий ей не выносилось. Сообщения московского цензора, видимо, имели в виду не реальное воздействие на Каткова, а демонстрацию перед вышестоящим начальством своей бдительности. Да и что мог сделать редактору «Московских ведомостей» цензурный комитет, когда сам министр внутренних дел оказался перед ним бессильным. Как правило, комитет ставил в известность о той или иной статье Главное управление по делам печати, и этим дело ограничивалось.

Когда же московский цензурный комитет, выполняя распоряжение Главного управления, обратился в окружной суд с жалобой на нежелание редакции «Московских ведомостей» публиковать предостережения (см. с. 24), прокурор потребовал ответить, по чьей инициативе возбуждено преследование и по какой причине вернули Каткову право редактировать газету, по собственной ли его просьбе или, «как гласит общественная молва, была на то воля государя императора [112]. Позднее прокурор сообщил, что он «не признает возможным по имеющимся в деле сведениям начать судебное преследование «Московских ведомостей» за ненапечатание данных им г. министром внутренних дел трех предостережений» [113].

---

[109] ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 2, 1866, № 3, л. 4.

[110] Видимо, играло здесь роль и желание продемонстрировать, что временное прекращение газеты не заставило редакцию ни в чем изменить прежнее направление, поступиться своими взглядами.

[111] ЦГИА г. Москвы, ф. 31, № 515, л. 77—79, 81, 86 об., 93, 95, 97, 99, 103, 110 и др.

[112] Там же, л. 91.

[113] Там же, л. 115 об. — 116. См. там же, ф. 131, оп 8, 1866, № 7, л. 5—6; там же, 1867, № 38, л. 5—10.

Как итог анализа отношений Каткова с правительственными кругами в 1860-х гг. можно отметить следующее. Редактор «Московских ведомостей» очень любил подчеркивать свою независимость, самостоятельность, принципиальность, противопоставлять издаваемую им газету официозной печати, получающей субсидии. Его выступления против администрации, цензурных притеснений как будто подтверждают такую независимость. Катков не боялся бороться против весьма влиятельных лиц, против министров, рискуя, казалось, потерять все из-за нежелания поступиться принципами. Он отнюдь не являлся журналистом типа Булгарина, раболепно пресмыкающимся перед властями. Наоборот, он нередко нарочито громко заявлял о несогласии с ними. Тем не менее, было бы еще более неверным, чем отождествление Каткова с Булгариным, видеть в нем честного и принципиального журналиста, пусть и крайне консервативного толка, такого деятеля печати, каким старались его изобразить многочисленные панегиристы. В воспоминаниях Г. К. Градовского правильно отмечается, что, при всей видимости независимости, «Московские ведомости», «не погрешая против силы слога и доводов, умели ладить с бюрократизмом, знали, в какой час надо промолчать, кому следует воскурить фамиамом восхвалений и кого можно задеть больно и смело»[114]. Нападки Каткова на тех или других лиц, часто занимавших весьма высокое положение, отражали невидимые для читателей подводные течения, внутриправительственную борьбу различных тенденций. Лишь ориентируясь на определенные из таких тенденций, служа им и одновременно используя их в своих интересах, Катков мог приобрести влияние, разрешать себе то, что он разрешал. Редактор «Московских ведомостей» вел сложную, подчас опасную, игру, вел ее весьма умело и относительно смело. Он не боялся рисковать. Но это дела не меняло, не превращало Каткова в журналиста честного и принципиального.

---

[114] Г. К. Градовский. Из минувшего. — «Русская старина», 1908, № 1, с. 79.